

DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03

АРХАИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА: РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, Е.С. Зиновьева, Е.Н. Копосова

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, доктор политических наук, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: world_politics@mgimo.ru; ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: kharkevich@mail.ru; ЗИНОВЬЕВА Елена Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: zinovjeva@mail.ru; КОПОСОВА Екатерина Николаевна, аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: ekaterina_koposova@hotmail.com

Статья поступила в редакцию: 24.05.2016. Принята к печати: 04.07.2016

Аннотация. В статье доказывается деструктивная роль информационных технологий в условиях слабых государственных институтов. Вопреки многим утверждениям о положительной связи между Интернетом и демократией, при определенных условиях эта связь может быть отрицательной, информационные технологии, особенно *Web 2.0*, способны стимулировать откат к политической архаике. Под политической архаикой авторы понимают возвращение к неформальным институтам и практикам, основанным на потестарности, криминале, религии, родственности и клановости. На примере событий “арабской весны” в Ливии авторы показывают, что архаизация государства происходит в условиях слабых экстрактивных государственных институтов и отсутствия устойчивой общенациональной идентичности. Особенно подвержены архаизации слабые султанистские режимы. Массовое распространение в них Интернета приводит к нарастанию потенциала протестных движений, при этом слабые государственные институты не могут эффективно контролировать данные настроения. В результате возрастает вероятность выплеска на улицы хорошо организованного и скоординированного благодаря технологиям *Web 2.0* протеста, требующего либерализации политической жизни в стране. В этом случае государство скорее всего обречено на архаизацию. Попытки подавить протестное движение могут привести к гражданской войне, которая в условиях слабости государственных институтов, вероятно, завершится окончательным “провалом” государства. В случае выполнения требований протестующих либерализация будет происходить в условиях слабости государственных институтов, что тоже способно привести к архаизации государства. Вероятность архаизации государственных институтов особенно высока на Ближнем Востоке и в Северной Африке, так как там наслаиваются сразу два кризиса — на глобальном и региональном уровнях. На глобальном уровне продолжается эрозия фундаментальных институтов Вестфальской политической модели мира, на региональном — кризис идентичности, связанный с исчезновением оппозиции “социализм — капитализм” времен холодной войны и усилением роли политического ислама, подрывающего легитимность стареющих светских режимов. В статье также обосновывается вывод, что вопреки теории волн демократизации откат от демократии может быть не только в сторону авторитаризма, но и в сторону архаики.

Ключевые слова: политическая архаика; развитие; Интернет; арабская весна; теория демократизации; султанистские режимы; неформальные институты.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Считается, что распространение современных информационных технологий в развивающихся странах способствует повышению уровня жизни, демократизации и развитию государственности. Фактически данное утверждение аксиоматично для политиков. На вопрос, что произойдет при распространении новых информационных технологий в государствах, построенных во многом на родоплеменных и религиозных основаниях, обычно следует ответ, что это даст скачок в их развитии в сторону демократии [Howard 2010]. Предпринимаются шаги по распространению информационных технологий, уделяется большое внимание развитию Интернета: полагается, что он обеспечит доступ к информации, образованию, электронной торговле и т.п., и это будет способствовать политическому развитию общества. Так, на всемирных саммитах ООН по информационному обществу (WSIS) в 2003 г. (жневский этап)¹ и 2005 г. (тунисский этап)² в качестве целей провозглашалась доступность Интернета для наиболее бедных категорий населения. Десять лет спустя принципы доступности Интернета, сокращения цифрового разрыва и т.п. были подтверждены. Отмечена также необходимость использования информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для решения проблем развития³. Для обеспечения выхода в Интернет под эгидой ООН действует программа, направленная на обеспечение недорогими компьютерами детей в беднейших странах мира⁴.

Тезис о том, что развитие информационных технологий при любых условиях ведет к демократизации общества, не очевиден. Возникает вопрос: всегда ли технологии, разработанные в развитых государствах, ведут к тем же политическим последствиям при их использовании в государствах, ориентированных на клановые и религиозные отношения? Можно ли в этих странах ожидать демократические процессы на том основании, что Интернет по своей природе демократичен?

Для ответа на эти вопросы следует обратиться к политической организации современного мира. Она охватывает три уровня: 1) политическую (Вестфальскую) систему мира; 2) систему международных (межгосударственных) отношений и ее часть – региональную подсистему; 3) политические системы отдельных государств [Лебедева 2016].

О разнообразии государств в современном мире существует огромный пласт литературы [Политический атлас современности... 2007], множество классификаций государств по различным основаниям. Одной из наиболее значимых с точки зрения политического анализа представляется классификация государств по их отношению к объединяющей, Вестфальской системе.

В рамках трансформации Вестфальской политической системы наряду с активизацией на международном уровне негосударственных акторов, о которой писали Дж. Най и Р. Кохэн [Keohane, Nye 1971], во второй половине XX столе-

¹ Geneva Declaration of Principles. – *World Summit on the Information Society*. URL: http://www.itu.int/net/wsis/documents/doc_multi.asp?lang=en&id=1161 (accessed 12.09.2016).

² Tunis Agenda for the Information Society. – *World Summit on the Information Society*. URL: http://www.itu.int/net/wsis/documents/doc_multi.asp?lang=en&id=2267 (accessed 12.09.2016).

³ WSIS+10 Statement on Implementation of WSIS. Outcomes and the WSIS+10 Vision for WSIS Beyond 2015. – *World Summit on the Information Society*. URL: <http://www.itu.int/net/wsis/documents/HLE.html> (accessed 12.09.2016).

⁴ *One Laptop Per Child*. URL: <http://one.laptop.org/> (accessed 12.09.2016).

тия образовалось три группы государств: 1) преимущественно поствестфальские, 2) преимущественно вестфальские и 3) преимущественно довестфальские [Navari 2007; Лебедева 2008; Харкевич 2010]. Все эти группы существуют одновременно. Различаются они, главным образом, отношением к фундаментальному институту современных международных отношений — суверенитету.

Суверенитет имеет различные интерпретации в теории международных отношений. С. Краснер выделил четыре наиболее распространенных варианта: способность контролировать процессы внутри государственных границ (*domestic sovereignty*); способность контролировать процессы, пересекающие государственные границы (*interdependence sovereignty*), признание со стороны других государств (*international legal sovereignty*) и способность исключать внешних акторов из структур власти внутри государственных границ (*Westphalian sovereignty*) [Krasner 1999]. Для различения вестфальских, довестфальских и поствестфальских государств следует использовать именно вестфальскую концепцию суверенитета, которая сводится к политической автономии. Это наивысшая ценность для вестфальских государств, ради нее они готовы жертвовать всеми остальными благами. Для поствестфальских государств ценность политической автономии сохраняется, но уже не в той мере. Это место занимает политическая и экономическая эффективность. Для повышения эффективности проводимой политики поствестфальские государства могут делиться своим суверенитетом с наднациональными организациями или негосударственными акторами. (Яркий пример таких государств — страны-члены ЕС.) Решение Великобритании о выходе из состава ЕС может означать, что страна постепенно дрейфует в направлении модерна под давлением экономического кризиса, миграционного кризиса, а также политического популизма. Говорить о завершении этого процесса пока рано.

Современные довестфальские государства, как правило, обладают международно-правовым суверенитетом, но по причине нарастающей слабости институтов не могут контролировать как свои границы, так и процессы внутри них. Несостоявшиеся государства являют собой наиболее яркие примеры довестфальских политий, так как политическая и экономическая жизнь в зонах с ограниченной государственностью регулируется с помощью родоплеменных и религиозных институтов [Governance without... 2013].

После распада колониальной системы количество “невестфальских государств” в Вестфальской системе существенно возросло, а в связи с развитием процессов транснационализации в конце XX в. усилилось их влияние на мировые политические процессы. Сама же Вестфальская система оказалась в кризисе [Strange 1999].

Распад межгосударственной биполярной системы в конце прошлого века породил еще один кризис, связанный с конфигурацией межгосударственных отношений [Симония, Торкунов 2015]. Какая-либо приемлемая конфигурация до сих пор не найдена. Поэтому часто используется термин “постбиполярная система”. Но проблема значительно глубже, чем поиск названия. Маловероятно, что в современных условиях мы сможем ограничиться лишь конфигурацией ведущих держав мира, как это было ранее, поскольку, во-первых, сам процесс трансформации Вестфальской системы оказывает влияние на межгосударственные отношения (в частности, влияние государств-лидеров “размывается” действием негосударственных акторов). Во-вторых, единый ресурсный комплекс, который ранее сосредотачивался в руках государств-

лидеров, сегодня расслаивается. Пожалуй, лишь США продолжают до определенной степени быть лидером в трех сферах: в военно-политической, политико-экономической и (во многом) социально-гуманитарной (в том числе в массовой культуре). Другие же государства сосредотачиваются на одном-двух видах ресурсов [Лебедева 2014]: мир действительно становится полицентричным.

В рамках системы международных отношений регион Ближнего Востока и Северной Африки образует подсистему. Данная подсистема, как и входящие в нее государства, оказалась наиболее чувствительной к трансформациям на глобальном уровне. Существует несколько причин этого. Прежде всего, в период между Суэцким кризисом 1956 г. и операцией по освобождению Кувейта “Буря в пустыне” 1991 г. регион был сферой советско-американского противостояния, одной из важнейших составных частей биполярного мира, ареной соперничества и ограниченного сотрудничества двух сверхдержав. Для обоих блоков регион представлял интерес в политическом, экономическом и военном плане [Иванов 2016]. После распада биполярной системы активизировались региональные акторы, в том числе и негосударственные. Многие страны региона ранее были ориентированы на социалистический путь развития. Исчезновение социалистического лагеря, безусловно, больно ударило по их идентификации и институтам, заставив искать новые смыслы. Отчасти эти смыслы были найдены в архаике, тем самым проблематизировав классическую схему С. Хантингтона, согласно которой за волной увеличения количества демократических стран в мире следует волна отката части из них в сторону авторитаризма [Huntington 1991]. Оказалось, что откат может быть еще дальше – за пределы современности, в архаику.

В ряде стран Ближнего Востока и северной Африки в результате массовых выступлений, известных как “арабская весна” (это название предполагало, что авторитарные режимы сменяются демократическими), произошел “откат”. Авторитарные в прошлом страны, такие как Ирак и Ливия, “качнулись” не в сторону демократии, как можно было бы ожидать согласно С. Хантингтону, а в сторону хаотизации имевшихся государственных структур и формирования на их месте архаичных общественных структур и отношений [Лебедева 2012].

Для мобилизации населения во время событий “арабской весны” широко использовались ИКТ. Современные технологии (расчеты с помощью банковских карт, электронная почта и т.п.) наряду с архаичными методами передачи информации (сбор и передача денег, передача информации “из рук в руки” и т.п.) были на вооружении “Аль-Каиды” при подготовке террористических актов [Alexander 2004]. Сегодня “Исламское государство” активно использует современные технологии не только для реализации своих планов, но и для привлечения новых сторонников. Для активной деятельности в медиапространстве, прежде всего в Интернете, оно даже создало специальное подразделение⁵. Очевидно, что “Исламское государство” на самом деле не исламское и не государство (в Вестфальском понимании слова “государство”), оно как раз оказалось “откатом” в сторону архаики при разрушении авторитарного режима в Ираке, а затем при ослаблении авторитарного режима в Сирии. Но в чем причина подобной “архаизации”? Становятся ли современные технологии, попавшие на почву довестфальских государств, своеобразным спусковым

⁵ ISIS Has a Really Slick and Sophisticated Media Department. – *Vice News*. URL: <https://news.vice.com/article/isis-has-a-really-slick-and-sophisticated-media-department> (accessed 12.09.2016).

крючком для развития архаичных общественных структур? Если нет, то почему эти технологии не только не отторгаются ими, но и активно используются?

ФАКТОРЫ АРХАИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Под архаикой понимается состояние общества до модерна, т.е. до складывания формальных, безличных институтов, в том числе государственных. Архаизация государства или общества в целом означает возврат к неформальным институтам и практикам. В научной литературе данный процесс обозначается как “информализация”⁶ государства и относительно хорошо описан на примере ряда африканских государств южнее Сахары [Branch, Cheeseman 2009]. К примеру, старейшины кланов в Сомали, где государственные институты практически отсутствуют, оказывают государственные услуги своим пиратствующим соотечественникам [Shortland, Varese 2015]. Они охраняют суда, захваченные группой пиратов, от возможных повторных захватов другими группами до тех пор, пока не будет выплачен выкуп, а также координируют взаимодействие между пиратскими группами и урегулируют конфликты между ними.

Признаки архаики демонстрируют не только африканские государства. Неформальные отношения встречаются и в государствах модерна и постмодерна и проявляются в коррупции, деятельности мафии, чрезмерной активности спецслужб, чрезвычайных положениях и т.д. Перечисленные практики и институты существуют и регулируются “неформальными” правилами, они находятся либо вне, либо над официальным законом. Е. Алексеенкова и В. Сергеев указывают, что “в Италии XX века ‘несистемный’ сектор политики (мафия, террористы и коррупционные сети) оказался настолько масштабным, что системная политика стала практически не эффективной” [Алексеенкова, Сергеев 2008]. Если уровень неформальных отношений превышает некоторый критический рубеж, формальное государство перерождается в неформальную архаичную политику. Основная причина архаизации заключается в разрушении формальных государственных институтов. Чтобы сохранить свою власть в условиях гибели формальных институтов, правительство или правитель начинают опираться на неформальные институты, практики и структуры: криминальные группы, коррупцию, клановые, семейные, этнические или религиозные связи, правила и нормы. Р. Бейтс на африканских примерах показывает, что точка невозврата в этом процессе – решение правительства заменить свою армию криминальными группами [Bates 2008]. Это полностью делегитимирует государственное насилие и приводит к гибели государства.

Существует много исследований причин упадка формальных государственных институтов, два из них в последнее время особенно популярны в академических кругах: неинституциональная работа Дж. Робинсона и Д. Аджемоглу “Почему одни нации богатые, а другие бедные” [Robinson, Acemoglu 2012] и либеральное исследование Ф. Фукуямы “Политический порядок и политическое разложение” [Fukuyama 2014].

Дж. Робинсон и Д. Аджемоглу исходят в своей работе из различия понятий экстрактивных и инклюзивных институтов. Инклюзивные институты позволяют большинству населения получать выгоду от развития государства, в то время как экстрактивные институты дают возможность обогащаться и кон-

⁶ Под “информализацией” государства понимается переход от формальных государственных институтов к неформальным (архаичным).

центрировать политическую власть только узкой группе элиты. Используя обширный исторический материал, авторы доказывают, что устойчивое экономическое развитие возможно только при инклюзивных институтах, но сформировать их крайне сложно, многое зависит от исторической случайности. Государства терпят неудачи в развитии, задерживаются или откатываются назад из-за экстрактивных институтов. Парадоксально, но авторы показывают, что экстрактивные институты нормальны и для современного мира, и для предыдущих эпох. Инклюзивные же институты — исключение, которое не в последнюю очередь зависит от исторической случайности. Перейти от одних институтов к другим мешает “ловушка колеи” (*path dependence*), которая жестко удерживает государства на их уникальном историческом пути.

Исследование Робинсона и Аджемоглу — это сильный институциональный аргумент в пользу неразрывной положительной связи между демократией и развитием, хотя авторы оговариваются, что инклюзивные институты не обязательно должны быть демократическими. Впервые и во многом случайно они сформировались в Англии после Славной революции, которая создала институциональные условия для Промышленной революции. Вряд ли можно назвать Англию конца XVII в. демократическим государством. Авторы показывают, что экономическое и политическое развитие напрямую зависит от институционального контекста, т.е. от специфики институтов, которые формируют и регулируют политическую и экономическую жизнь страны. Если этот контекст инклюзивный, то развитие будет устойчивым, если экстрактивный — будет наблюдаться деградация. На короткие периоды экстрактивные государства способны демонстрировать экономический рост, когда узкая элита начинает инвестировать в экономическое развитие своей страны, но в долгосрочной перспективе такие государства “проваливаются”, так как без инклюзивных институтов рост и развитие оказываются неустойчивыми, не возникает положительный цикл развития. Таким образом, к институциональной гибели государства могут привести формирование и поддержание в нем экстрактивных институтов.

27

Анализируя феномен политического развития, Ф. Фукуяма выделяет в нем три ключевые института: государство, закон и демократию. Изменение каждого из них в отдельности и их соотношения между собой и составляет, по мнению исследователя, процесс политического развития общества. Ключевой вопрос для Фукуямы (учитывая, что все три института не могут сложиться одновременно, а формируются скорее последовательно): хронологическое первенство какого из них обеспечивает устойчивое положительное развитие?⁷ Гипотетический ответ на этот вопрос он позаимствовал у своего учителя — С. Хантингтона, который доказывал, что такое первенство принадлежит государству [Huntington 1968]. Сначала необходимо выстроить сильные государственные институты, а уже потом развивать демократию. Если произойдет наоборот, то, как показывает история, в лучшем случае государство будет существенно отставать в своем развитии от стран-лидеров, в худшем случае — потерпит неудачу, “провалится”. Проанализировав историю от Промышленной революции до наших дней, Ф. Фукуяма подтвердил это предположение, уточнив, что ключевым государственным институтом для дальнейшего политического и экономического развития выступает меритократическая бюрократия.

⁷ Подробнее о проблеме “очередности” в демократическом транзите см. специальный выпуск: *Journal of Democracy*. 2007, Vol. 18. No. 3. URL: http://carnegieendowment.org/files/Sequencing_Exchange.pdf (accessed 12.09.2016).

Причина возможного провала государства при преждевременной либерализации политической жизни заключается в том, что электоральная демократизация без сильных государственных институтов и сложившейся единой национальной идентичности спровоцирует внутренние конфликты между группами элиты, вплоть до гражданской войны. Примеры африканских государств показывают, что развитие парламентаризма в институционально слабых государствах приводит к фрагментации и поляризации политической элиты, победившая часть которой старается не допустить остальных к следующим выборам. Если же победившей группе интересов удастся отстоять власть и со временем усилить централизацию государства, война всех против всех завершится, насилие монополизировается, государство станет самостоятельным актором. Задача политической элиты, если она стремится к обеспечению устойчивого экономического развития страны, заключается в постепенной политической и экономической либерализации при сохранении высокой эффективности государственных институтов. Проблема заключается в том, что шаг к либерализации не только создает условия для устойчивого развития, но и может привести к смене самой политической элиты, т.е. это шаг элиты в пользу общественных, но не личных интересов. История показывает, что этот шаг всегда оказывается вынужденным и делается элитой под давлением очевидных для себя угроз либо извне, либо изнутри. Если эти угрозы отсутствуют либо не воспринимаются серьезно, политическая элита не будет заинтересована создавать условия для устойчивого развития, обеспечивая свои личные интересы за счет усиления экстракции ресурсов общества через соответствующие институты и обеспечивая свою внутреннюю и внешнюю безопасность с помощью полиции и армии.

Логическая последовательность архаизации государства по причине преждевременной демократизации представлена на рисунке. Данная схема показывает, что политическая либерализация сама по себе иногда может приводить к архаизации государства, т.е. к негативным последствиям и для общества, и для элиты. Насилие в архаичном государстве не монополизировано, происходит возврат к гоббсовскому естественному состоянию войны всех против всех.

Рисунок (Figure)

Схема архаизации институционально слабого государства
Scheme of Archaization of an Institutionally Weak State

ИНТЕРНЕТ “ВКЛЮЧАЕТ” ПРОЦЕСС АРХАИЗАЦИИ

Новые технологии и политический процесс всегда оказывали взаимное влияние друг на друга [Smith, Marx 1994]. Современный этап развития ИКТ, среди которых наиболее значимое место занимает Интернет, не стал исключением. В политическом отношении особое значение приобретают интерактивные

интернет-медиа: блоги, социальные и *peer-to-peer* сети, получившие название *Web 2.0*. Они позволяют пользователям производить информационный контент и координировать свои действия в том числе и в гражданской, политической сфере. При этом благодаря *Web 2.0* “размывается” роль государственных СМИ, которые долгое время служили эффективным инструментом управления общественным мнением. Развитие социальных медиа определяет современный облик Интернета и глобального информационного общества в целом.

Т. О’Рейли, предложивший термин *Web 2.0*, выделил семь ключевых принципов, на которых основан новый этап в развитии всемирной сети⁸. Среди них политическое значение имеют следующие четыре: 1) Интернет становится ключевой платформой политического дискурса; 2) использование Интернета в политических целях формирует коллективное самосознание пользователей сети; 3) публичная политика быстро трансформируется в результате использования социальных медиа; 4) политический контент распространяется с помощью различных приложений. Можно сказать, что информационно-коммуникационные технологии играют роль экстрапарламентарной политической активности, создавая возможности новых форм политического участия. Наметилось формирование подвижной публичной сферы, сетевых объединений граждан на основании горизонтальной коммуникации. Интерактивность современных ИКТ оказывает существенное влияние на политический процесс как в рамках отдельного государства, так и на уровне транснациональной политической среды. Сетевые сообщества могут создаваться без временных и пространственных ограничений [Kaplan, Andreas, Haenlein 2010].

Указанные тенденции вступают в противоречие с Вестфальской политической системой мира. Современные ИКТ легко пересекают государственные границы и ставят под вопрос способность государства контролировать политические коммуникации. Традиционно государства не только регулируют политическую коммуникацию, но и выступают в качестве источника формирования политических дискурсов, стремятся исключить из информационного пространства дестабилизирующие дискурсы и усилить национальную идентичность при помощи политической коммуникации. Как отмечал Б. Андерсон, любая нация — “это воображаемое сообщество” [Anderson 2006], поэтому роль государства в создании и поддержании идентичности чрезвычайно важна. Таким образом, контроль над политической коммуникацией для государства становится условием политической стабильности и обеспечения легитимности действующего режима. Однако у населения должно сохраняться доверие к контролируемым каналам распространения политической информации, что с одной стороны ограничивает устремления государства, с другой — заставляет государство усиливать невидимость контроля.

Информационные технологии стали эффективным инструментом организации массовых протестов, направленных на изменение политического режима или политического курса государства, а также на смещение действующей политической элиты. Первые исследования влияния информационных технологий и Интернета на протестное движение появились в начале 1990-х годов. Среди исследуемых кейсов были движение Запатиста в Мексике, антиглобалистские выступления, получившие название “Битва в Сизтле”,

⁸ O’Reilly T. What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. — O’Reilly.com. 30.09.2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html> (accessed 12.09.2016).

а впоследствии и глобальное антивоенное движение во время войны в Ираке, противоправительственные протесты во время выборов в Испании в 2004 г. Исследователи отмечали, что Интернет способствует коллективным действиям за счет снижения организационных и координационных издержек, упрощая формирование транснациональных сетевых структур [Ferdinand 2000].

К сожалению, отмечает А. Росс, бывший советник государственного секретаря США и один из идеологов использования социальных медиа в дипломатии, новые технологии гораздо более эффективны в разрушении политических институтов, чем в формировании новых, устойчивых политических структур в тех государствах, где произошли *Facebook*- и *Twitter*-революции⁹.

Распространение Интернета в государствах, где слабые институты и нет единой идентичности, угрожает их существованию. Будучи благоприятной средой и инструментом организации и координации протестного движения, Интернет запускает демократизацию авторитарного режима снизу через протесты и массовые движения. Учитывая принципиальные ограничения контроля интернет-коммуникаций, государства, особенно слабые, практически не имеют возможности контролировать процесс.

“Арабская весна” наглядно продемонстрировала деструктивную роль информационных технологий [Tudoroiu 2014]. Большинство исследователей массовых антирежимных выступлений в Египте и Тунисе пришли к выводу, что интернет-технологии сыграли большую роль в этих событиях [Wolfsfeld, Segev, Sheaffer 2013]. Помимо координации и коммуникации, интернет-медиа обеспечивали возможность взаимодействия протестующих с глобальной аудиторией, а это немаловажный фактор успеха протеста [Bruns, Highfield, Burgess 2013]. Быстрая интернационализация протестных настроений при помощи *Twitter* и *Facebook* породила масштабное движение поддержки среди пользователей Интернета по всему миру [Comunello, Anzera 2012].

Таким образом, в схему архаизации государства, которая была представлена выше, необходимо добавить еще один компонент — Интернет, который является, по сути, триггером неконтролируемого демократического транзита снизу. В условиях экстрактивного государства и отсутствия единой национальной идентичности он может способствовать архаизации государства. События “арабской весны” (и особенно случай Ливии) доказывают это.

ПРИМЕР ЛИВИИ

Ливию Муаммара Каддафи можно характеризовать как яркий пример институционально слабого довестфальского государства с доминированием экстрактивных институтов. А. Степан и Х. Линц описывают Ливию как султанистский режим [Stepan, Linz 2013]. При таком режиме узкая элита, как правило, совпадает с личностью султана и его семьей, а все государство, государственный бюджет, институты, структуры и т.д. правитель рассматривает как свою собственность, как свой двор, которым он управляет по своему усмотрению. По классификации М. Вебера, султанистский режим — это крайний случай патримониальных государств. Конечно, Каддафи не обладал абсолютной свободой, нужно было сдерживать противоречия между племенами, населявшими страну. Тем не менее из всех государств арабской весны

⁹ Ross A. How connective tech boosts political change. — *CNN*. 20.06.2012. URL: <http://edition.cnn.com/2012/06/20/opinion/opinion-alec-ross-tech-politics/> (accessed 12.09.2016).

Ливия, по утверждению Степана и Линца, ближе других была к состоянию идеального султанистского режима.

Это обстоятельство во многом объясняет тот факт, что Ливия более других государств региона была “информализирована” еще до “арабской весны”. Архаизация практически всей государственной структуры, создание революционных комитетов (квазипартийных органов), закрепление Корана как основного закона, появление таких политических институтов, как лидер революции, революционное руководство Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (формально были вне государственных структур, а на деле имели непосредственное влияние на принятие решений), — все это характеризовало устройство джамахирийской государственной системы за счет сложившегося султанистского режима. Заявив еще в декабре 1978 г. о своем уходе со всех постов, Каддафи остался фактическим главой государства и Верховным главнокомандующим с правом единолично издавать законы, объявлять о созыве внеочередных сессий Всеобщего национального конгресса, где его выступления становились программой законодательной деятельности. Кроме того, политически значимые должности в Ливии занимали исключительно родственники Каддафи. Так, во главе наиболее боеспособных военных подразделений в стране стояли его сыновья, вездесущие революционные комитеты возглавлялись родственниками полковника¹⁰.

Внимательные наблюдатели “арабской весны” и ее последствий заметили, что крах потерпели только республики, арабские монархии сумели устоять в протестной волне¹¹. Одно из объяснений этого заключается в охранительной и объединяющей роли устойчивой национальной идентичности во времена революций. Монархии Ближнего Востока были сохранены исламом, а светские республики оказались беззащитны перед революцией. У них не было ни сильного государства, ни устойчивой национальной идентичности. Конечно, Каддафи старался создать единую нацию из многочисленных и разрозненных племен, населяющих Ливию, но ему это не удалось.

При этом Каддафи не уделял особого внимания Интернету. Это может быть объяснено тем, что в Ливии к началу событий “арабской весны” только 4–5% населения имели доступ к сети. Поэтому в ливийском случае СМИ использовались в большей степени как “площадка” для освещения событий, а не как инструмент для мобилизации¹². Однако за неделю до начала февральских событий в восточной части Ливии Киренаики были зафиксированы демонстрации, организованные через *Facebook*, где позднее появилась непроверенная информация о подавлении протестных движений ливийским руководством¹³. Именно *Twitter* и *Facebook* стали главными “площадками” для организации массовых выступлений оппозиции. Произошло это несмотря на то, что социальные сети были заблокированы на ливийской территории,

¹⁰ Искандеров Н. Ливия – заговор Запада или народное восстание? – *Независимая газета*. 28.03.2011. URL: http://www.ng.ru/courier/2011-03-28/9_livia.html (accessed 12.09.2016).

¹¹ Mamluks and maliks. Why Arab Monarchies Have Survived Uprisings Better than Republics. – *Economist*. May 14th 2016. URL: <http://www.economist.com/news/special-report/21698437-why-arab-monarchies-have-survived-uprisings-better-republics-mamluks-and-maliks?fsrc=scn/tw/te/pe/ed/mamluksandmaliks> (accessed 12.09.2016).

¹² Zaroog T. *The Media Should Be Free of Government Influences*. URL: <http://www.reinventinglibya.org/Inmu.php> (accessed 12.09.2016).

¹³ Libya Profile. – *BBC News*. 16.06.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-africa-13755445> (accessed 12.09.2016).

а к середине весны 2011 г. Интернет был отключен на всей территории Ливии. Ограничения удалось обойти при помощи спутниковой связи. Более того, некоторые из активистов антирежимных протестов переехали в Египет для того, чтобы иметь неограниченный доступ в Интернет и распространять информацию, фото- и видеоматериалы о положении в Ливии.

Следует отметить, что практически все государства “арабской весны”, как и Ливия, не уделяли особого внимания Интернету. Так, Тунис при правлении Бен Али лидировал в регионе по степени доступности Интернета для широких слоев населения¹⁴. Однако во время антиправительственных выступлений 2010-2011 гг. сайты, используемые как инструменты для мобилизации населения, были заблокированы. В Египте цензура носила скорее наблюдательный характер, но в период разгара антирежимных демонстраций были заблокированы *Facebook* и *Twitter*. Роль СМИ и официальных сетей в событиях “арабской весны” можно определить как инструментальную, а не как первопричину для возникновения недовольства среди арабского населения.

С точки зрения теории демократизации переход султанистских режимов к демократии практически невозможен без насилия [Stepan, Linz 2013: 26]. Классическая игровая модель мирного демократического транзита из четырех игроков, в которой умеренные представители власти и оппозиции работают вместе, чтобы оттеснить радикальные провластные и оппозиционные элементы, здесь не работает. Как только две умеренные партии (от власти и от оппозиции) обнаружат себя, султан их сразу уничтожит. Понимая это, радикалы от оппозиции занимают еще более экстремальную позицию и возлагают надежды только на оружие и насилие.

32 Таким образом, распространение ИКТ в султанистских режимах и спровоцированная ими преждевременная демократизация снизу практически неизбежно будут приводить к гражданской войне и архаизации государства. Как показывают исследования, вероятность возникновения гражданской войны (кроме слабых государственных институтов) обусловлена еще рядом факторов, таких как большая численность населения, пересеченная местность, доступ к оружию и вмешательство внешних сил [Fearon, Laitin 2003]. В случае Ливии сработали два фактора из перечисленных: слабые государственные институты и вмешательство внешних сил.

В результате гражданской войны и архаизации в Ливии государство практически исчезло. Американский журналист, путешествуя по Ливии за два месяца до намеченных в 2012 г. выборов в парламент, констатировал следующее: “В Ливии нет армии. В Ливии нет государства. Они существуют только на бумаге. На практике Ливия до сих пор оправляется от долгого водоворота власти Каддафи... Что в Ливии действительно есть, так это ополченцы, их более 60 различных группировок, каждая из которых пользуется неограниченной властью на подконтрольной ей территории, где нет никаких правил”¹⁵.

Страна не смогла выйти из затяжного политического кризиса. Ливия раздроблена: с одной стороны, международно признанное правительство в Тобруке, а с другой – непризнанное происламистское правительство в Триполи. Правительство национального единства во главе с Ф. Сараджем

¹⁴ Tunisia. Internet Access. Report. URL: http://www.access-controlled.net/wp-content/PDFs/part2/034_Tunisia.pdf (accessed 12.09.2016).

¹⁵Worth R.F. “In Libya, the Captors Have Become the Captive. – *New York Times Magazine*. 09.05.2012.

было сформировано 19 января 2016 г., однако это не решило проблемы и в стране до сих пор идут столкновения между племенами и вооруженными группировками в борьбе за власть и ресурсы, в результате которых продолжают гибнуть мирные жители. Бесконечная череда сменяющих друг друга премьер-министров также не способствует нормализации обстановки в стране и объединению враждующих областей.

* * *

Отвечая на поставленные в начале статьи вопросы о последствиях распространения информационных технологий в довестфальских государствах и отката в авторитаризм, следует констатировать, что мы приходим к негативным ответам на них. Информационные технологии, особенно *Web 2.0*, действительно стимулируют демократизацию, но при слабости государственных институтов могут не просто отбросить государство назад в авторитаризм, а “информализировать” или архаизировать его, провоцируя гражданские войны и разрушение всех государственных институтов. Эти процессы значительно усиливаются трансформациями политической системы мира (Вестфальской системы) и системы межгосударственных отношений, которая так и не сформировалась после распада биполярной системы (другой вопрос – насколько она вообще может быть сформирована). В результате Большой Ближний Восток оказался наиболее подвержен архаизации.

Алексеев Е.С., Сергеев В.М. 2008. Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности). – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 148-165.

Иванов И.С. 2016. Три корзины для Ближнего Востока. – *РСМД*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7183#top-content

Лебедева М.М. 2008. Политическая система мира: проявления “внесистемности”: или новые акторы – старые правила. – *“Приватизация” мировой политики локальные действия – глобальные результаты*. Под ред. М.М. Лебедевой. М. Голден Би. С. 53-66.

Лебедева М.М. 2012. Современные тренды мирового развития: новое качество мира. – *Метаморфозы мировой политики*. М.: МГИМО. С. 9-32.

Лебедева М.М. 2014. Ресурсы влияния в мировой политике. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 99-108. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.01.07>

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: идеальный шторм. – *Вестник МГИМО – Университета*. № 2. С. 125-133.

Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. 2007. Под ред. А.Ю. Мельвиля. М. МГИМО. 272 с.

Симония Н.А., Торкунов А.В. 2015. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 27-37. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.03.03>

Харкевич М.В. 2010. Государство в современной мировой политике. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 6. С. 160-166.

Alexander D.C. 2004. *Business Confronts Terrorism. Risks and Responses*. Madison: The University of Wisconsin Press, Terrace Books. 176 p.

Anderson B. 2006. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., N.Y.: Verso Books. 240 p.

Bates R.H. 2008. *When Things Fell Apart: State Failure in Late-century Africa*. N.Y.: Cambridge University Press. 218 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511790713>

Branch D., Cheeseman N. 2009. Democratization, Sequencing, and State Failure in Africa: Lessons from Kenya. — *African Affairs*. Vol. 108. P. 1-26. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/afraf/adn065>

Bruns A., Highfield T., Burgess J. 2013. The Arab Spring and Social Media Audiences English and Arabic Twitter Users and Their Networks. — *American Behavioral Scientist*. Vol. 57. No. 7. P. 871-898. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0002764213479374>

Comunello F. Anzera G. 2012. Will the Revolution be Tweeted? A Conceptual Framework for Understanding the Social Media and the Arab Spring. — *Islam and Christian-Muslim Relations*. Vol. 23. No. 4. P. 453-470. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09596410.2012.712435>

Fearon, J.D., Laitin, D.D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. — *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 1. P. 75-90. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0003055403000534>

Ferdinand P. 2000. The Internet, Democracy and Democratization. — *Democratization*. Vol. 7. No. 1. P. 1-17.

Fukuyama F. 2014. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux. 658 p.

Howard P.N. 2010. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 285 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199736416.001.0001>

Huntington S. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven. 488 p.

Huntington S. 1991. Democracy's Third Wave. — *The Journal of Democracy*. No. 2. P. 12-34. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/jod.1991.0016>

Kaplan A.M., Haenlein M. 2010. Users of the World, Unite! The Challenges and Opportunities of Social Media. — *Business Horizons*. Vol. 53. No. 1. P. 59-68.

Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. — 1971. Vol. 25. No. 3. P. 329-349. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0020818300026187>

Krasner S.D. 1999. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 280 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/9781400823260>

Navari C. 2007. States and State Systems: Democratic, Westphalian or Both? — *Review of International Studies*. No. 33. P. 577-595. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/s026021050700767x>

Governance without a State: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood. 2013. Ed. by T. Risse. N.Y. Columbia University Press. 312 p.

Robinson J.A., Acemoglu D. 2012. *Why Nations Fail: Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N.Y.: Crown Publishers. 544 p.

Shortland A. Varese F. 2015. State-Building, Informal Governance and Organised Crime: The Case of Somali Piracy. — *Political Studies*. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1467-9248.12227>

Smith M.R., Marx L. 1994. *Does Technology Drive History?: The Dilemma of Technological Determinism*. Cambridge, Mass.: MIT Press. 304 p.

Stepan A., Linz J.J. 2013. Democratization Theory and the “Arab Spring”. — *Journal of Democracy*. Vol. 24. No. 2. P. 15-30. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/jod.2013.0032>

Strange S. 1999. The Westfailure System. — *Review of International Studies*. Vol. 25. No. 3. P. 345-354. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0260210599003459>

Tudoroiu Th. 2014. Social Media and Revolutionary Waves: The Case of the Arab Spring. — *New Political Science*. Vol. 36. No. 3. P. 346-365. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07393148.2014.913841>

Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. 2013. Social Media and the Arab Spring Politics Comes First. — *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 18. No. 2. P. 115-137. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1940161212471716>

DOI: [10.17976/jpps/2016.06.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03)

STATE ARCHAIZATION: THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

M.M. Lebedeva, M.V. Kharkevich, E.S. Zinovieva, E.N. Kopusova¹

¹*Moscow State Institute of International Relations (University). Moscow, Russia*

LEBEDEVA Marina Mikhailovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: world_politics@mgimo.ru; KHARKEVICH Maxim Vladimirovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: kharkevich@mail.ru; ZINOVIEVA Elena Sergeevna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: zinovjeva@mail.ru; KOPOSOVA Ekaterina Nikolaevna, post-graduate student, Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: ekaterina_kopusova@hotmail.com

Received: 24.05.2016. Accepted: 04.07.2016

Abstract. The article discusses the destructive role of information technologies in the context of weak state institutions. Contrary to many assertions about the positive relationship between the Internet and democracy, the authors show that under certain conditions this connection can become negative: information technologies, particularly Web 2.0, can stimulate the rollback to archaic politics. The term “archaic politics” implies return to informal institutions and practices based on private power, criminals, religion, kinship and clan. Using the case of the “Arab Spring” in Libya the article proves that the conditions of state archaization are weak extractive state institutions and the lack of a stable national identity. Particularly susceptible to archaization are weak sultanistic states. Mass access to the Internet in such regimes, particularly the spread of Web 2.0 technologies, leads to an increase in the capacity of the protest movement, while weak public institutions cannot effectively control these developments. As a result, it increases the likelihood of splash on the street of well-organized and coordinated through Web 2.0 technologies protest movements, demanding the liberalization of political life. In this case, the state is doomed to archaization. Attempts to suppress the protest movement could lead to civil war, which (in the context of weak state institutions) most likely will result in their final “failure”. In the case the requirements of the protesters are met, the liberalization will occur in the context of weak state institutions, which is also likely to lead to the state archaization. Archaism of public institutions is particularly probable in the Middle East and North Africa, as there is a simultaneous merging of two crises at the global and regional levels. At the global level the fundamental institutions of the Westphalian system are still eroding, at the regional level – the crisis of identity that is associated with the disappearance of the cold war opposition “socialism-capitalism” and the role of political Islam, which undermines the legitimacy of the secular aging regimes. The article also substantiates the conclusion that, contrary to the theory of waves of democratization the rollback can be not only in the direction of authoritarianism, but also in the direction of the archaization.

Keywords: archaization; development; Internet; the “Arab Spring” democratization theory; sultanistic regimes; informal institutions.

References

- Alekseyenkova Ye.S., Sergeev V.M. The Dark Well of Power (on the Boundary between the Private Sphere of the State and the Person's Private Sphere). — *Polis. Political Studies*. 2008. No. 3. P. 148-165 (In Russ.)
- Alexander D.C. *Business Confronts Terrorism. Risks and Responses*. Madison: The University of Wisconsin Press, Terrace Books. 2004. 176 p.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso Books. 2006. 240 p.
- Bates R.H. *When Things Fell Apart: State Failure in Late-century Africa*. New York: Cambridge University Press. 2008. 218 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511790713>
- Branch D., Cheeseman N. Democratization, Sequencing, and State Failure in Africa: Lessons from Kenya. — *African Affairs*. 2009. Vol. 108. P. 1-26. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/afaf/adn065>

- Bruns A., Highfield T., Burgess J. The Arab Spring and Social Media Audiences English and Arabic Twitter Users and Their Networks. — *American Behavioral Scientist*. 2013. Vol. 57. No. 7. P. 871-898. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0002764213479374>
- Comunello F. Anzera G. Will the Revolution be Tweeted? A Conceptual Framework for Understanding the Social Media and the Arab Spring. — *Islam and Christian-Muslim Relations*. 2012. Vol. 23. No. 4. P. 453-470. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09596410.2012.712435>
- Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. — *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. No. 1. P. 75-90. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0003055403000534>
- Ferdinand P. The Internet, Democracy and Democratization. — *Democratization*. 2000. Vol. 7. No. 1. P. 1-17.
- Fukuyama F. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. 2014. New York: Farrar, Straus and Giroux. 658 p.
- Governance Without a State: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood*. Ed. by T. Risse. New York: Columbia University Press. 2013. 312 p.
- Howard P.N. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam*. 2010. Oxford, New York: Oxford University Press. 2010. 285 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199736416.001.0001>
- Huntington S. Democracy's Third Wave. *The Journal of Democracy*. 1991. No. 2. P. 12-34. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/jod.1991.0016>
- Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. 1968. New Haven. 488 p.
- Ivanov I. Three Baskets for the Middle East. — *Russian International Affairs Council*. 2016. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7183#top-content (In Russ.)
- Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the World, Unite! The Challenges and Opportunities of Social Media. — *Business Horizons*. 2010. Vol. 53. No. 1. P. 59-68.
- Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. — *International Organization*. 1971. Vol. 25. No. 3. P. 329-349. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0020818300026187>
- Kharkevich M.V. The State in the Contemporary World Politics. — *Vestnik MGIMO-University*. 2010. No. 6. P. 160-166. (In Russ.)
- Krasner S.D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1999. 280 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/9781400823260>
- Lebedeva M.M. Politicheskaya sistema mira: proyavleniya "vnesistemnosti": ili novye aktyory — starые pravila [The Political System of the World: Manifestation of the "Non-systemic": or New Actors — the Old Rules]. — *"Privatizatsiya" mirovoi politiki lokal'nye deistviya — global'nye rezul'taty Pod red. M.M. Lebedevoi* ["Privatization" of World Politics: Local Actions — Global Results. Ed. by M.M. Lebedeva]. Moscow: Golden B. 2008. P. 53-66. (In Russ.)
- Lebedeva M.M. Resources of Influence in World Politics. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 1. P. 99-108. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.01.07>
- Lebedeva M.M. Sovremennyye trendy mirovogo razvitiia: novoe kachestvo mira [The Contemporary World Development Trends: a New Quality of the World]. — *Metamorfozy mirovoi politiki* [Metamorphosis of World Politics]. Moscow: MGIMO. 2012. P. 9-32. (In Russ.)
- Lebedeva M.M. System of Political Organization of the World: the Perfect Storm. — *Vestnik MGIMO-University*. 2016. No. 2. P. 125-133. (In Russ.)
- Navari C. States and State Systems: Democratic, Westphalian or Both? — *Review of International Studies*. 2007. No. 33. P. 577-595. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/s026021050700767x>
- Political Atlas: the Experience of Multivariate Statistical Analysis of Political Systems of Modern States*. Ed. by A.Yu. Melville. Moscow: MGIMO. 2007. 272 p. (In Russ.)
- Robinson J.A., Acemoglu D. *Why Nations Fail: Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publishers. 2012. 544 p.
- Shortland A. Varese F. State-Building, Informal Governance and Organised Crime: The Case of Somali Piracy. — *Political Studies*. 2015. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1467-9248.12227>
- Simonia N.A., Torkunov A.V. New World Order: from Bipolarity to Multipolarity. — *Polis. Political Studies*. 2015. No. 3. P. 27-37 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.03.03>.
- Smith M.R., Marx L. *Does Technology Drive History?: The Dilemma of Technological Determinism*. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1994. 304 p.
- Stepan A., Linz J.J. Democratization Theory and the "Arab Spring". — *Journal of Democracy*. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 15-30. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/jod.2013.0032>
- Strange S. The Westfailure System. — *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. No. 3. P. 345-354. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0260210599003459>
- Tudoroiu Th. Social Media and Revolutionary Waves: The Case of the Arab Spring. — *New Political Science*. 2014. Vol. 36. No. 3. P. 346-365. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07393148.2014.913841>
- Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. Social Media and the Arab Spring Politics Comes First. — *The International Journal of Press/Politics*. 2013. Vol. 18. No. 2. P. 115-137. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1940161212471716>